

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMANARIO MONARQUICO RUSO
Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 949917

Editor
Miguel Kireeff

Monroe 4329
1430 Buenos Aires - Argentina

Suc. 30 (B)
Correo
Argentino

FRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233
Concesión N° 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXXV Buenos Aires, sabado 7 de mayo de 1983

Буэнос Айрес, суббота 7 мая 1983

N° 1711

БЕСКОНЕЧНО РУССКАЯ...

Покинув Болгарию и проведя около трех лет в лагере Ди-Пи в Австрии я, вот уже три года здесь, в Аргентине; приехал сюда только потому, что сюда попал Иван Лукьянович и я не мог допустить мысли о том, что газета будет существовать без моего прямого участия в ней. Здесь в общем — трудно. Вся работа по газете на мне одном и единственной помощницей является моя жена — в Австрии я женился на хорошей, цельной и бесконечно русской девушке, хотя и родившейся в Белграде. Моей жене — Татьяне Владимировне — сейчас только 27 лет, но несмотря на свою молодость, она целиком живет нашим общим делом и только благодаря ей я могу справиться со всей той работой, которая на мне лежит. (Из письма В. К. Дубровского от 3 декабря 1951).

вил к тому, перед чем я оказалась. Мне еще трудно поверить в то, что В. К. больше нет. Только на панихиде в 9-ый день я, кажется, начала немного понимать и опять тяжесть начала давить в груди и опять я остро почувствовала, что случилось неправое. Последние недели жизни В. К. очень много думал. Я была так занята невероятным количеством дел по уходу за ним и по газете, что

бенно ласковой с ним и он в эту последнюю ночь несколько раз мне говорил: “какая ты у меня хорошая”, а я целовала его, целовала ему руку и обращалась с ним с глубокой лаской и теплотой. Это и были его последние слова. Пишу это и плачу. Говорят, что хорошо, что я могу плакать, что это меня облегчает. Но все же очень тяжело... (25. 11. 66)

что его больше нет, а тоска сосет и тяжесть давит и тогда я думаю, что это какая-то дикость, что я не слышу его голоса, не слышу его частых шуток, не слышу его зова... Каждый день хожу на кладбище и там тоже не могу понять, что его больше нет... Но я уже начала завещанное мне В. К. дело. И буду прилагать все свои знания и силы, чтобы не снизить качество газеты. В этом мне помогут все сотрудники-друзья. (30. 11. 66)

Все говорят мне или пишут: “этого нужно было ждать”. А я вот не ждала и кончина Всеволода Константиновича для меня такой удар, что словами не могу выразить. Я всегда надеялась и верила, что сильный организм В. К. и его тоже сильное сердце, несмотря на то, что оно было такое больное, перенесут все очередные припадки и ухудшения. Мне без него так тяжело, так одиноко, хотя со мной живет мой брат и очень внимателен ко мне и помогает мне. Первое время я не растерялась, ни в коем случае не растерялась, но была в таком тяжелом состоянии, что ничего не могла делать. Но в конце концов взяла себя в руки и начала работать. Главное, что мне надо было сделать, это закончить все запущенные дела. Еще не все в порядке, но когда я начала работать, то хотя и плачу часто, так как все связано с В. К., но у меня нет больше той страшной тяжести в груди, которая меня давила первые шесть-семь дней. Я сознаю, что мне нужно все силы и все свои способности приложить к тому, чтобы продолжать дело Ивана Лукьяновича и Всеволода Константиновича и это мне дает импульс к работе. Я уверена, что я справлюсь.

Только теперь я узнала, что ровно год тому назад наш доктор сказал: “я не понимаю, как сеньор Дубровский еще живет”. И я твердо верю, что этот год — был подарок Божий, чтобы В. К. ввел меня еще более глубоко во все дела. Последние года два мы еще теснее работали вместе, вместе обсуждали статьи, так как я их читала вслух, вместе обсуждали всевозможные поступки политических деятелей, почти всегда были одного и того же мнения о том или другом случае. Этот год дал мне очень много в этом смысле, подгото-

“... Мне будет суждено отказаться от личного счастья и обречь себя на всю жизнь на это ужасное одиночество только ради идеи, только потому, что мне вовсе не все равно, что происходит в России; только потому, что я всем сердцем и душой с моим народом”.

не расспрашивала его, почему он так много думает и о чем. Теперь выясняется, что меня-то он берег от переживаний и слез, а моему брату и одному другу сказал, что ему не долго осталось жить. Значит, он уже чувствовал. У меня сердце обливается кровью при мысли о том, что он переживал все эти недели и оберегая меня переживал одиноко. И ни слова протеста, ни ропота, ничего не слышала я от него. Только в последний день, 12-го ноября, он мне сказал, что он очень устал от всего. В последнюю ночь я долго с ним пробыла, он почти не спал, как не спал последние 10 дней и ночей. Я счастлива, что в последние недели, а особенно эту последнюю ночь была осо-

В. К. заполнял всю нашу жизнь своим “я” и своим оптимизмом. А теперь вокруг меня такая ужасная пустота. В феврале 1967 года должно было исполниться 20 лет нашего брака. И мы никогда не расставались. Когда я начала работать и приводить в порядок все запущенное за последние недели болезни В. К., я думала, что мне будет легче, и как будто бы и полегчало, так как я занималась делом, а не сидела в кресле и плакала. Но когда я начала готовить номер к выпуску, вот тогда мне стало опять так тяжело, так как каждый штрих в работе мне напоминал В. К. и я опять не могла понять, как это могло случиться. Разумом я понимаю,

У меня очень неудачный характер для политического деятеля: я замкнутая, я застенчивая, кроме того, я не переношу лжи — и не переношу, когда другие лгут. Что еще хуже, я не могу говорить (или писать) не то, что я думаю. Без всякого хвастовства могу сказать, что мне абсолютно чужды фальш и двуличие. Покойный В. К. часто подтрунивал надо мной: “ох, уж ты, с твоей любовью к правде...” Конечно, многие эти неудачные черты характера мне надо перебороть и, в первую очередь, застенчивость, что еще не всегда удается. Например, я никогда бы не могла сказать лично в лицо то, что я могу написать, т. е. какие-нибудь “откровенности”, выражения симпатии или любви. (21. 12. 66)

Возражений против моего редакторства не было. Было много толков и сплетен, что, мол, такой-то мечтает наложить свою руку на “Нашу Страну”, но потом, когда узнавали, что я буду самостоятельным редактором, то шумно и с облегчением вздыхали. Это здесь. А насчет заграницы — не знаю. Но то, что я “молодая женщина и не справлюсь”, так это уж извините. Во-первых, я не так уж молода, мне 42 года; а справлюсь или не справлюсь, так это покажет будущее...

“Наша Страна” не существовала бы, если бы не выходила в Аргентине с шаткой и колеблющейся валютой, так как газету “спасают” подписчики США, Австралии, Германии и Франции, где валюта стабильная и высокая и при перемене на нашу валюту получается выгода, которой бы не было, если бы “Наша Страна” выходила, например, в США, где число подписчиков никогда бы не могло покрыть расходов по изданию газеты. Ведь у нас подписчиков в странах с низкой валютой намного больше числа подписчиков в странах с высокой валютой...

Сплетни о моем “бывшем солидаризме” мне надоели. Никогда в жизни я не была солидаристкой. В бытность мою в Берлине в 1942-45

гг. меня уговаривали записаться в какую-то странную полутайную организацию; я наотрез отказывалась. Но уговаривали-то меня друзья, и друзьями они остались и по сей день. Нужно иметь более широкий кругозор (каким обладаю я и в той же степени обладал им В. К.), чтобы не путать политику с дружбой. Если я крестила ребенка в семье солидаристов, то не надо мне пришивать "бывший солидаризм". Я в очень хороших отношениях (в таких же был и В. К.) со многими солидаристами, которые уже сейчас давно не активные и не собираюсь с ними прекращать дружбу, чтобы угодить людям с шорами. (21.12.66)

Редакторский красный карандаш — извечная тема споров редакторов с сотрудниками. Я еще считаю себя слишком новоиспеченным редактором, чтобы ставить свои какие-то редакторские условия. Но я 20 лет жила бок о бок с настоящим редактором и я восприняла все его редакторские манеры. Совершенно логично, что наряду с опытом и знаниями, которые я впитала от настоящего редактора, я также восприняла и манеру Всеволода Константиновича обращаться с красным карандашом. В течение 18 лет редактирования "Нашей Страны" много раз мы с Всеволодом Константиновичем убеждались, что у

В составе РОА...

него выработалось особое чутье, какое-то там седьмое чувство, что помещать, а чего не помещать в газете. Бывали у него промахи, но настолько редко, что они были незаметны в массе тех случаев, когда он совершенно точно, вот этим самым чутьем, знал что нужно делать в данном случае. Я могу сказать, что и это чутье, наряду с какими-то знаниями, я унаследовала от В. К. Конечно, это чутье у меня еще не дошло до такой степени тонкости и точности, как оно было у В. К., но еще он мне говорил, что оно у меня есть. (7.1.67)

Я должна продолжать дело Ивана Лукьяновича и моего покойного мужа; я не имею права дать заглохнуть этому делу, так как никто другой не справится с этим, а если и справится, то убедится, что оно вовсе невыгодное и посему оставит его. Дал бы Бог мне разума, а к преткновениям я так привыкла за все эти годы, что не страшусь их. (11.1.67)

Я прячусь, как улитка в домик, если не чувствую искреннего и сердечного отношения к себе. Все это зависит, конечно, от характера того человека, с кем имеешь дело. Так, например, А. Ф. Ключкин сухой и холодный человек... Но так как Ключкин приезжал сюда

Беженский лагерь Парш, Зальцбург, Австрия.

лет 10 тому назад и жил у нас две недели, то вся сухость не в счет при наличии той крепкой дружбы, которую он питал к В. К. и ко мне. Я никогда не забуду, как он нам еще из Китая посылал уголь в лагерь Парш и только благодаря ему мы все три зимы прожили в тепле. (22.1.67)

Я очень люблю классическую музыку. Единственное, что мне было доступно есе эти годы — это собиране пластинок. За эти годы я научила слушать классику и Всеволода Константиновича. В особенности последние два года, когда он так много лежал. Раньше он смеялся и говорил, что узнавал только "Боже Царя храни", а последние годы уже по первым аккордам говорил мне, что я поставила: 1-й ли концерт Чайковского, 2-й ли Брамса и т. д.. Больше всего у меня рояльных вещей, так как моя мама была очень хорошая пианистка и у нас дома было всегда пианино. Как правило, дети не учатся у матерей и ни я, ни мой брат не умеем играть на рояле. Но любовь к классике осталась и даже возросла. Однако теперь у меня еще нет настроения слушать. Наоборот, как только поставлю что-нибудь любимое, сразу же вспоминаю, как на это реагировал В. К. и мне становится еще тяжелее. Раньше у нас всегда была музыка, почти весь день, когда у меня была работа, не требующая абсолютного внимания. А В. К. мог писать письма и работать под музыку. Так вот, эта тишина в доме, отсутствие музыки, которой мне еще не хочется, — все это, вероятно и действует на меня так сильно. Модную музыку (не теперешнюю, сумасшедшую) мы тоже любили слушать иногда с В. К., в особенности французские песенки в исполнении не орущих, а поющих "шансонье". Я люблю и джаз, но нормальный, без вытья патлатых. (22.1.67)

Продолжение издания "Нашей Страны" является моим самым и единственным насущным хлебом. Если бы Бог не дал мне кое-какого разума и, главное, такого замечательного мужа, каким был Всеволод Константинович, который в течение 20 лет брака дал мне много — не будет преувеличением, если я скажу, что дал мне университетское образование в его, конечно, области — (а последние годы своей жизни втянул меня на все сто процентов в работу), то я должна была бы сейчас работать на фабрике, так как за все эти 20 лет мы с В. К. занимались только этой деятельностью и не было никогда времени на изучение какой-либо профессии. Но продолжаю я дело Ивана Лукьяновича и Всеволода Константиновича идейно, так как знаю, что если оставлю это дело, то идея

Народной Монархии постепенно заглохнет. Без органа печати не может жить никакая идея, никакое движение. Но кроме того эта работа меня и питает. Никаких капиталов личных у меня нет ни копейки, так как на идейной работе не разбогатеешь. Этот труд тяжелый и часто неблагодарный. Но я к этому была подготовлена самой жизнью и моим покойным мужем за 17 лет пребывания в Аргентине. (29.1.67)

Конечно, у нас здесь нет того комфорта, что в Австралии и в Северной Америке. У нас все гораздо примитивнее. То есть комфорт есть, но он доступен только очень богатым людям. Таким, как я, об автомобиле, например, и мечтать нельзя. В квартире у меня нет никаких электрических препаратов для уборки, есть только два больших вентилятора и то я радуюсь и думаю: "как хорошо, что имели возможность их купить при нашей невыносимой жаре летом". Но мы привыкли и для нас комфорт в бытовом его смысле, является только интересным зрелищем в кино. (29.1.67)

Мне сейчас пишут многие, да и раньше писали, что "Наша Страна" является единственным честным русским органом печати, высоко держащим свое знамя. И мне кажется, что в таком органе не место скабресным подробностям, пусть даже и стопроцентно правдивым. Дело не в том, что меня лично корбит от таких подробностей, а в том, чтобы не запачкать страницы газеты фактами скабресными, пусть даже и показывающими результаты коммунистического воспитания. (12.2.67)

Представитель "Нашей Страны" на Канаду А. Д. Алпатов мне пишет: "Вам надлежит оставаться редактором и издательницей "Нашей Страны", ведь фактически, в по-

следние годы жизни В. К. Вы издавали газету". Это совершенно превратное мнение. Люди, даже такие близкие, как Алпатов, и то себе не могли представить, что В. К. обладал совершенно неимоверной силой духа и несмотря на свою страшно тяжелую болезнь, сам редактировал газету в самые тяжелые моменты своей болезни. Этому трудно поверить, но это факт и я бы хотела, чтобы об этом знали. При жизни В. К. я была только исполнительницей всех его указаний и никогда ничего самостоятельно не делала и не вводила в газету.

О "боевом стиле" газеты. В. К. никогда не был против полемических статей, но считал, что полемика полемике рознь. И если видел, что сотрудники в своей страсти переходят какие-то неумовимые границы, то В. К. от таких статей всегда отказывался или складывал в редакторскую корзину, где они и погибали. Поэтому мало-помалу неуравновешенный стиль полемистов постепенно сглаживался. Приблизительно такую же линию буду вести и я. (12.2.67)

Очень жаль, что интересующаяся духовной пищей часть русской эмиграции постепенно убывает. Ужасно то, что новых молодых подписчиков почти нет. Как мне написал один подписчик, "Наша Страна" страдает чахоткой и обречена на гибель. Я все же буду бороться за ее существование и сделаю все, что в моих силах, чтобы не дать ей угаснуть. (12.3.67)

Я чувствую, что редакторская деятельность меня очень увлекает и я молю только Бога, чтобы сотрудники были бы активными и разнообразными в своих писаниях. Вот, позавчера, я готовила материал на № 892 и вся дрожала от восторга, что подбирается такой полноценный материал и уже видела перед глазами тот номер газеты, в котором он будет помещен. Я всегда помню и теперь еще больше понимаю Всеволода Константиновича, что он всегда приходил в прекрасное настроение и бывал так доволен и счастлив, когда он составлял номер видел, что статьи подбираются одна другой лучше и предвкушал удовольствие выпуска такого интересного полноценного номера. И у меня по окончании подборки материала для № 892-го вдруг появилось чувство особенного удовлетворения и я почувствовала, что у меня такое радостное и хорошее настроение, что мне даже не было страшно в 11 часов ночи съездить в типографию и отвезти текущую работу и новый материал (типография находится в 20 минутах

Чета Дубровских: всю жизнь за царя.

езды на автобусе от моего дома). (12.3.67)

Надо обратиться к народным монархистам с воззванием: продолжать работу, но освежив ее. Народно-монархическое движение заглохло не потому, что В. К. не мог совместить последние годы работу по выпуску газеты с работой по движению, а потому, что время такое, что люди размякли, ушли в быт и не интересуются ничем, выходящим за рамки их быта, — самое большее, что они делают, это аккуратно читают "Нашу Страну" и аккуратно платят подписную плату. А очень немногие еще и вносят в Издательский Фонд газеты. И 14 лет тому назад эти самые народные монархисты не были более активны — в своем большинстве. (Это касается не только нас: считается, что солидаристы организация серьезная и активная, люди у них хорошо подкованные и стемительно-энергичные; здесь в Буэнос-Айресе была когда-то сильная группа НТС, а теперь от этой группы осталась ноль: члены НТС понемножку, исподволь ушли в быт). Будет трудно и придется бороться с инертностью. Если будут организованы две-три маленькие группы, которые имеют возможность переправки монархического материала по ту сторону Железного Занавеса, то это будет уже очень много. Пропаганда народной монархии на ту сторону самое важное и актуальное.

Мне кажется, что должно произойти событие мирового масштаба, чтобы заставить наших русских людей встряхнуться и пробудиться от спячки. (12.3.67)

Самое важное для меня сохранить газету, вести ее и не снизить ее качество, имея всегда перед собой героический пример деятельности Всеволода Константиновича, его самоотверженную любовь к газете. Во мне разгорается все больше и больше пламя той же любви, желание сделать газету еще более интересной, мечта о том, чтобы омолодить состав сотрудников, молитвы о том, чтобы Господь Бог дал мне разума и силу духа продолжать то дело, которому посвятил свою жизнь и пожертвовал ею Всеволод Константинович. (12.3.67)

Пришло первое письмо в ответ на "Обращение к народным монархистам". Вот это действительно, очень приятный сюрприз, т. к. сей Казанцев уже давно состоит подписчиком газеты и нам с В. К. и в голову не приходило, что он так молод и что он вообще интересуется большим, чем только чтением газеты. Значит, Обращение пробудило в нем желание участвовать активно в РНМД. Чего только стоят его слова "жду инструкций". Все коротко и ясно. Мне кажется, что вот такие, вырывающиеся на свет Божий гораздо более ценные народные монархисты, чем те, которых нужно тянуть за уши к активности. Мое моральное состояние не легкое и приятное. И вот письмо этого мальчика, облегчило мое моральное состояние, мне стало как-то так радостно и легко. И тогда я подумала, что все "образуется", все уладится и все будет хорошо. Конечно, строить великие планы только из-за одного письма и мечтать об активной работе по РНМД в высшей степени не серьезно и по-женски, но такой луч света дает большой импульс к дальнейшей работе. Дал бы Бог, чтобы появилось еще пару таких писем! (20.4.67)

По случаю исполняющейся 9-го мая первой годовщины со дня смерти редактора "Нашей Страны"

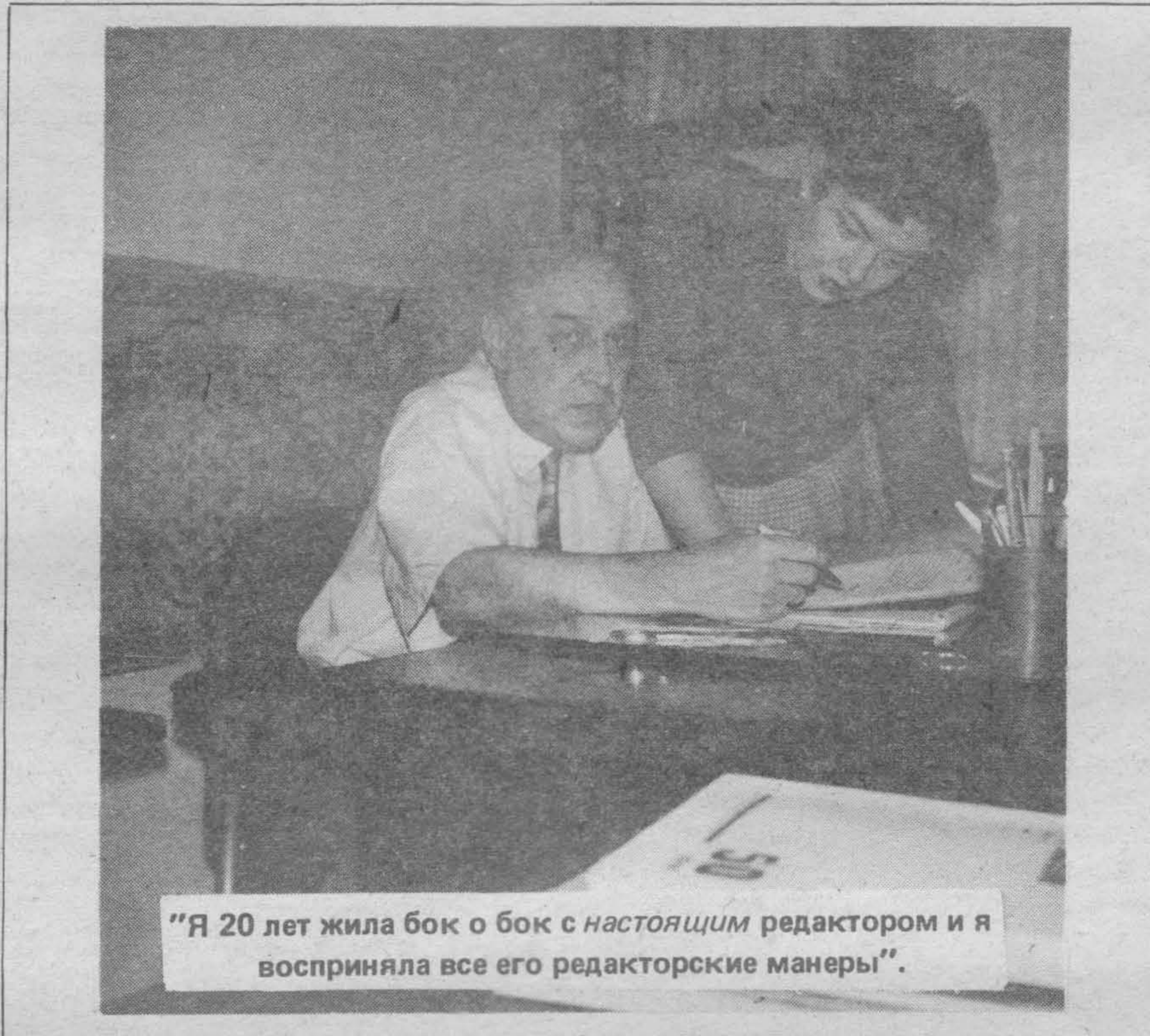
ТАТЬЯНЫ ВЛАДИМИРОВНЫ ДУБРОВСКОЙ

в субботу 21 мая в 17,30 часов, в Кафедральном Соборе Воскресения Христова, улица Нуньес 3541, будет отслужена панихида

Я за то, чтобы как можно ярче проводить линию мировоззрения Ивана Лукьяновича. Я являюсь очень яркой поклонницей не только таланта И. П., но и его позиций. (26.5.67)

Вчера была в кино. Смотрела "Последний месяц осени". Фильм очень хороший, глубокий, много в нем поэзии. Но были подсоветские фильмы, которые мне гораздо больше понравились, как например "Баллада о солдате", "Журавли", или "Гамлет", о котором я не могу говорить спокойно, в особенности об игре гениального Иннокентия Смоктуновского и постановке такого же гениального режиссера, кажется, Козинцева. "Гамлет" мы с В. К. успели посмотреть два раза, и если бы он шел опять, то смотрела бы еще несколько раз. Но, конечно, это классика и совершенно другое, чем бытовые фильмы. Ужасно то, что такие чистые и глубокие

До 1-го июля я покупала каждую неделю марок на 4.500 песо, а сейчас должно покупать на 12 тысяч. Это совершенно неслыханное повышение. Вижу, что свои личные расходы должна буду сократить до минимума: то есть не покупать хорошее мясо, а только рубленое, не есть дорогих сейчас после заморозков фруктов и овощей и т. д.. Это совершенно нелепо и ненормально, что редактор "Нашей Страны" должен питаться самым дешевым способом, но это факт. Ничего не поделаешь. Всеволод Константинович всегда очень переживал материальные кризисы газеты и я в первый раз подумала: как хорошо, что он не дождал до 1-го июля! Просто не представляю что бы было с ним. И в самые тяжелые моменты, несмотря на то, что он очень тяжело переживал их, видя как я падаю духом он всегда меня утешал и говорил: "Бог поможет!" Теперь у меня те же мысли только о том,

"Я 20 лет жила бок о бок с настоящим редактором и я восприняла все его редакторские манеры".

фильмы, как "Последний месяц осени" или "Баллада о солдате" — это самая опасная и лучше всего действующая пропаганда в пользу коммунизма. К сожалению "публика-дура" и иностранцы, посмотрев такой фильм выходят и с восторгом говорят: "вот это красота, вот это поэзия, чистота и глубина!" И такие фильмы ведь выпускают только "русские" и только там поставлено искусство на такую высоту!" И так далее. И все это льется на коммунистическую мельницу. Выходит, что "там" сидят уж очень умные дяди. Но... значит, правы те, кто с пеной у рта говорят, что евтушенковские "патриотические" стихи — это заказ партии... Так трудно поставить над всеми "и" все точки... да это и не возможно! Вот за Солоухина я ручаюсь, что он искренен и не пишет по указке партии, за Солженицына тоже, но Евтушенко, Синявский... все это так сложно и так интересно! (21.6.67)

что Бог поможет.

Переходить на 4 страницы каждую неделю нельзя. Не все будут вникать в тяжелый материальный кризис и переход на 4 стр. может вызвать толки о том, что все-таки я не справилась, что меня оставляют сотрудники и "Наша Страна" потихоньку умирает. Кроме того у меня так много материала, что я могла бы выпускать газету как и при В. К., то есть через каждые три-четыре номера на 6 стр. выпустить один раз на 4 стр.. Буду бороться как могу, буду отказывать себе во всем, но не допущу, чтобы "Наша Страна" уменьшилась бы в размере. Этот вопрос для меня священный и к сокращению размера "Н. С." прибежу только в самый последний момент, в самом конце. По тем же соображениям не могу перейти на двухнедельный выпуск газеты. В. К. всегда гордился тем, что несмотря на все удары судьбы "Н. С." держится. Переход ее на двухнедельный выход означал бы

колоссальное снижение значения "Н. С.", интереса к ней. В общем морально я не имею права на такие выходы из положения. (19.7.67)

Казанцев и его друг Андрей Сербин (сын народного монархиста) были у меня недели полторы тому назад. Из разговора с ними я вывела заключение, что они жаждут "литературной славы". Андрей уже издал два номера "Соколовского журнала". Знаю, что пишет стихи. Когда он меня спросил помещаю ли я стихи, то я, почуяв его страстное желание видеть свои стихи в "настоящей" печати, сказала "нет" и объяснила, что помещаю стихи только таких поэтов, как Ахматова, Гумилев, Солоухин, объяснив, что если начну помещать подряд всякие стихи, то меня завалят плохими стихами и будут в претензии, что не печатаю. Это было кредо В. К. и этого придерживаюсь и я. В дальнейшем разговоре выяснилось, что оба очень серьезно относятся ко всему происходящему в литературном мире сейчас в России. Оба друга собирают молодежь своего возраста и устраивают доклады. (19.7.67)

Прочла "Письма из Русского Музея" Солоухина, напечатанные в двух номерах "Возрождения". Нахожу, что "письма" эти совершенно изумительные и поражаюсь смелости Солоухина. Правда, есть сведения, что в России сейчас насчитывается два с половиной миллиона защитников памятников русской старины. Цифра внушительная. Конечно ведется эта защита не без разрешения правительства, иначе она бы так не разрослась и иначе Солоухин давно бы уже сидел в концлагере. Почему-то правительство этому не препятствует. Как всегда в советском быту — это палка о двух концах. Но так или иначе — это явление очень отрадное. (19.7.67)

Насчет падения курса песо: вот в этом-то и заключается все дело. До сих пор, с 1-го января и почти по сей день, доллар стоял неподвижно, замороженный. Только на днях, буквально на днях он начал подниматься. Правда, в очень крохотной пропорции, но все же сдвинулся с мертвой точки. Это всегда спасало положение, когда доллар начинал лезть вверх. Это давало возможность затыкать дырки, расплачиваться с долгами и передохранить. Стоил он до сих пор 350 песо, в течение же последних дней поднялся на 1 песо, потом еще на 1 и еще на одно, — сейчас он стоит 353 песо. Это мизерное повышение, но дает возможность думать, что он все-таки ползет еще выше, так как ненормально, чтобы доллар был тверд как камень, а уровень жизни летел стремительно вверх. Как это ни парадоксально, но когда случается здесь такое явление, то есть, что доллар идет вверх, то для всей страны это катастрофа, а для "Нашей Страны" — это временное спасение. Временное, так как настает всегда такой момент, когда уровень жизни перехлестывает стоимость доллара и тогда опять начинается сказка про белого бычка. (27.7.67)

Люди, которые считаются сейчас моими друзьями, до того, думали, что я надменная, гордая (из-за моей замкнутости), но когда узнавали меня, то меняли свое мнение обо мне на все 180 градусов. На количество друзей не могу по-